

Т. Б. Тагарова

Иркутский государственный университет

**Восходящая амплификация
в художественном стиле бурятского языка
(на материале фразеологических единиц)**

Аннотация: Анализируются фразеологические единицы художественной речи на материале прозы, драматургии, поэзии. Описываются особенности формирования адгерентной выразительности фразеологических единиц, восходящей амплификации, приемы употребления фразеологических единиц для наиболее полного раскрытия их стилистического значения. Выявляется, что фразеологические единицы участвуют в формировании восходящей амплификации как при сочетании в одном контексте с синонимичными, антонимичными языковыми единицами, так и с единицами, не входящими в отношения синонимии и антонимии, при употреблении нескольких фразеологических единиц. Прием восходящей амплификации способствует усилению экспрессивности контекста, выполнению суггестивной функции. Рассмотрение художественных текстов позволяет сделать вывод о характере индивидуального стиля писателя, исходя из частотности употребления такого приема. Данный прием наиболее присущ художественному стилю, ибо автор имеет возможность обдумать языковые средства при написании произведения.

The paper describes the phraseological units of the literary speech on the basis of prose, dramaturgy, and poetry. The author describes the peculiarities of forming the adherent expressiveness of phraseological units, the ascending amplification, the ways of using phraseological units with the fullest unraveling of their stylistic meanings. Phraseological units have been found to participate in the formation of ascending amplification in combinations both with synonymous or antonymous linguistic units and with units uninvolved in synonymy or antonymy relations when use is made of several phraseological units in one context. The device of ascending amplification contributes to increasing the context expressiveness and to performing the suggestive function of phraseological units. The investigation of literary texts makes it possible to draw a conclusion regarding the character of a writer's individual style based on how frequently he uses this device. The device in question is most typical of the literary style, for when writing his work the author has every possibility to consider various linguistic means.

Ключевые слова: бурятский, художественный стиль, фразеологические единицы, реплика, адгерентная выразительность, экспрессивность, амплификация, возрастающая, синонимия, антонимия, трансформация, суггестивная функция.

Buriat, literary style, phraseological unit, reply, emotionally expressive connotation, negative description; ascending amplification, synonyms, transformation, suggestive functions.

УДК 809.423-3

Контактная информация: Иркутск, ул. Чкалова, 2. ИГУ, кафедра бурятской филологии. Тел. (3952) 243995. E-mail: boroevna@yandex.ru

Бурятская фразеология вызывает все больший интерес у исследователей. Известны труды монголоведов Т. А. Бертагаева [1949], Ц. Б. Будаева [1970], Г. Ц. Пюрбеева [1972], Л. Д. Шагдарова [1974], Д. Д. Санжиной (2007) и др., на которые опираются новейшие исследования. Также научно-методической базой для исследователей фразеологии служат труды А. И. Федорова, А. В. Кунина, В. Н. Телия, Т. Г. Винокура, А. М. Мелерович и др.

В данной статье мы предпринимаем попытку анализа приемов усиления выразительности фразеологических единиц (ФЕ) в художественном тексте на примере различных жанров ввиду недостаточной изученности бурятской фразеологии в стилистическом аспекте.

По А. В. Кунину, первостепенное значение для теории и практики фразеологии и фразеографии имеет исследование внутренней, содержательной стороны фразеологической единицы, определяющей в единстве с формальными аспектами ее своеобразия как особой раздельнооформленной, но семантически целостной единицы языка, в отличие от слова – цельнооформленного образования, наряду с которым ФЕ выступает конституентом лексико-фразеологического фонда языка [1969, с. 71–75].

При исследовании семантики ФЕ становится важным определение коннотативного компонента значения. Это связано с тем, что выразительность и стилистическая окраска ФЕ складываются, в первую очередь, из экспрессивности и стилистической окраски входящих в ее состав компонентов, например: мотивация и образы таких фразеологизмов как *тархья залгиг* ≈ черт с ним (букв. голову свою пусть проглотит), *тархи дээрээ тарья тариха* ‘навлекать на свою голову беду’ (букв. на голове своей зерновые посеет), возникает за счет нестандартной сочетаемости слов *тариха* ‘сеять’, *залгиха* ‘проглатывать’, приводящей к необычному, контекстуально обусловленному сочетанию слов.

Так, в рамках адгерентной, связанной с определенным образом организованной последовательностью ФЕ и соседствующих с ними контекстных средств выразительности, по В. Н. Вакурову, нами сделана попытка рассмотреть такой стилистический прием, как амплификация. Амплификация выражается, в частности, в повышении экспрессивности контекста. При выявлении амплификации важно определить также отношение синонимии как между фразеологизмами, так и между ФЕ и словами. Мы исходим из положения А. И. Федорова, заключающегося в том, что ФЕ создаются «для детальной, коннотативной характеристики уже известных представлений, т. е. они удовлетворяют главным образом потребность человека выразить экспрессивно-образные представления и поэтому в большинстве случаев имеют не только различную валентность с денотативно-соотносимыми словами, но и речевую сферу употребления. Иначе говоря, слово и фразеологизм, зачисляемые в синонимический ряд, имеют общий денотат, десигнаты же их существенно отличаются: во фразеологизме он указывает внутренней формой на представление, передавая через него оценку предмета мысли. Слово и фразеологизм – единицы разных уровней, но между ними нет непроходимой границы: возможны их семантические связи, но это не делает их эквивалентными знаками языка» [Федоров, 1980, с. 129].

По языку и, в частности, по фразеологии драматического текста есть работы в русском языкознании, которые служат теоретической опорой для наших исследований. Это труды В. Сахновского-Панкеева [1964], А. Г. Ломова [1982], Г. Н. Щегловой [1984] и др.

В анализе языковых особенностей произведения мы руководствуемся положениями, высказанными Л. В. Щербой: «Речевая деятельность... в принципе является речетворчеством, обусловленным правилами языковой системы» [1940, с. 104]; А. М. Мелерович: «[При лингвостилистическом анализе речевые средства художественного произведения предстают как целостная система взаимообуслов-

ленных элементов, подчиненная авторскому замыслу. Содержание и стиль художественного произведения неразрывны» [1979, с. 72–79].

Как известно, специфика языка драматического произведения заключается в том, что текст состоит из диалогов и монологов, речь персонажей является одновременно и действием. Поэтому речь героев характеризуется эмоциональностью, высокой экспрессией, обилием восклицательных, вопросно-ответных конструкций, разговорных элементов, реплики, преимущественно имеют побуждающую интонацию.

Насыщение текста ФЕ, наблюдающееся в речи действующих лиц, связано со стремлением автора усилить эмоционально-экспрессивный тон реплик. Чрезвычайно велика роль контекста в определении значения ФЕ, ибо в диалогической речи ФЕ в большой степени наполняются новым содержанием, отвечающим замыслам автора в одном конкретном эпизоде, раскрывающим характер персонажа, ситуации.

На наш взгляд, буквальный перевод наиболее точно способствует передаче яркой образности, выразительности, национальной специфики ФЕ. Также наиболее полной семантизации способствует приведение эквивалентов русского языка, где отмечается преобладание неполных, частичных, эквивалентов в силу национальной специфики образности ФЕ.

Материал показывает, что выразительность всего контекста с использованием амплификации создается перераспределением коннотативных сем в стилистическом значении всего фразеологизма в сторону интенсификации проявления либо экспрессивности, либо эмоциональности, либо оценочности.

В бурятском языке преобладают отрицательно-оценочные, разговорные ФЕ, семантика которых легко поддается интенсификации, сгущению в контексте.

В связи с диалогическим строем речи пьес по сравнению с прозаическим текстом, здесь более интенсивно выражено установление связи с предыдущим высказыванием, репликой.

В немногих работах, посвященных бурятской поэтической речи, анализа ФЕ в поэзии до настоящего времени предпринято не было. ФЕ бурятского языка обладают большим экспрессивно-стилистическим потенциалом и в силу этого активно используются в современной бурятской поэзии. В поэтических текстах ФЕ способствуют повышению информативно-образного потенциала текста. В целом амплификация проявляется сходно в жанрах художественного стиля.

Адгерентная выразительность ФЕ наиболее ярко проявляется в случаях соположения с другими ФЕ или языковыми единицами:

1. С синонимичными ФЕ и словами в одном синонимическом ряду полнее раскрывается и значение, и внутренняя форма. Например в драматургии:

...*Үргөө хабишал даа!* – *Хэлээ хазал даа, золиг!* Букв. челюсти зажми-ка! – Языке свой перекуси, золиг (или долиг – это самодельная куколка для совершения обряда выкупа от смерти больного человека). ≈ Заткнись! – Сам заткнись, чучело! ¹ [Батожабай, 1981, с. 70–71].

В приведенных контекстах *үргөө хабиша* (букв. рот, челюсти сомкни), *хэлээ хаза* (букв. язык прикуси) – синонимы и соответствуют русск. ≈ рот заткни. Их объединяет одно значение – ‘замолчать’. Отметим, что последняя ФЕ выражает наиболее интенсивное, сгущенное значение (ср. сомкнуть челюсти и прикусить язык). А также ср. *амаа тагла* – рот заткни.

– ...*Үбгэн толгоймнай хүдэлдэшио. Эндэхи шүрэбүүдынь һуладашио!* [Батожабай, 1981, с. 136] ≈ На старости лет головой тронулся. Шарика за ролики зашли! Здесь *толгой хүдэлдэшио* (букв. голова сдвинулась), *шүрэбүүдынь һуладашио* (букв. шурупы расслабились) также представляют восходящую амплификацию. Последняя ФЕ воспринимается как имеющая значение угрозы ка-

¹ Здесь и далее перевод наш – Т. Т.

кой-то аварии, поэтому усиливает экспрессию предыдущей ФЕ. Наглядному представлению внутренней формы ФЕ помогает и ремарка: говорящий стучит пальцем по голове.

– *Гэм зэмтэмнай балшыса баригдашбал! Мэхэнь мэнгээрһэн хоолойдоо торошобо. ...Ши энээгээр хүнэй нюдэ халхалхагүйш!* [Батожабай, 1981, с. 204] – Преступник пойман с поличным! Раскрылся его обман. ...Ты этим глаза не застишь! Фразеологические единицы *балшыса баригдаха* ‘быть пойманным с поличным’, *мэхэнь мэнгээрһэн хоолойдоо торошобо* ≈ поперхнулся от своей хитрости (букв. обман в дыхательном горле застрял), *нюдэ халхалха* ‘глаза застит’ принадлежат одному семантическому полю «обман». *Мэхэнь мэнгээрһэн хоолойдоо торошобо* также усиливает экспрессию яркой образностью – картиной задыхающегося лгуна.

– *Арад зонойнгоо хүзүү мүлжэһэнтнай багадаад, шуһыень хорохоёо һанаа гүт?* [Батожабай, 1981, с. 221] – Мало грызли шею народа, хотите кровь высосать? Синонимичны ФЕ *хүзүү мүлжэхэ* эксплуатировать (букв. шею грызть) и *шуһыень хорохо* беспредельно издеваться над кем-либо (букв. кровь сосать), где последняя ФЕ более экспрессивна (потеря крови представляется опаснее для жизни, чем покусанная шея).

В языке прозы наблюдается такое же усиление экспрессивности контекста:

... *Бата, Цыремпил, Янжама гурбан, унаһан малгайгаа абангүй, хамараараа газар хадхатараа ажлалаһан байгаа* [Намсараев, 1990, с. 168] ≈ Бата, Цыремпил, Янжама, головы не поднимая, до упаду (букв. не поднимая упавшей шапки, утыкаясь носом в землю) работали. Восходящая амплификация видится в большей экспрессивности второй ФЕ – *хамараараа газар хадхатараа*, т. е. до упаду. Ср. ‘шапку упавшую не поднять’ или ‘в землю носом ткнуться’ (упасть самому).

В следующем примере глагол *маажуулжа* ‘будучи исцарапанным’ интенсифицирует, усиливает экспрессивность значения ФЕ *гар хүргүүлжэ* ‘будучи побитым’ в первой половине контекста *Хүн түрэл болоһоор хүндэ гар хүргүүлжэ үзөөгүй аад лэ, харин Эрдэни гулваагай галзуурһан һамганда маажуулжа, эгээн түрүүн шимэ юмэ үзэбэб* [Намсараев, 1990, с. 87] – С тех пор как родился человеком, не был бит, но впервые почувствовал, что это такое, когда взбесившаяся баба главы Эрдэни расцарапала меня¹.

«...*Торхо соо даһһалаад даражархиһан загаһан шэнги, үхэһэн амиды хоёрой хоорондо хэбтэнэб*» [Намсараев, 1990, с. 33] – ...Словно засоленная в бочке рыба, между жизнью и смертью лежу. Здесь *даһһалаад даражархиһан загаһан шэнги* ≈ как селедки в бочке (калькированная ФЕ) выражает тяжелое положение заключенного в тюрьму, *үхэһэн амиды хоёрой хоорондо* ≈ между жизнью и смертью. Представляется, что вторая половина выражает состояние человека более экспрессивно по сравнению с первой, так как речь идет о состоянии, близком к смерти. Можно отметить функцию уточнения контекстуальных синонимичных ФЕ.

Вкладывается в уста героини эмоциональное высказывание, где видим возрастающую амплификацию: *Хара Арсаланай тэрэ үбэштэй шалхагар, нойтон мунса Жамбалда ошобоб гэжэ, тэдэнэрэй зараса болонхаар, үхөө һаам дээрэ!* [Галанов, 2002, с. 224]. – Чем идти за дубину стоеросовую, дурака жирного Жамбала, сына черного Арсалана, и стать их служанкой, лучше умереть! Последнее слово наиболее сильно выражает накал чувств разгневанной девушки. ФЕ *нойтон мунса* ≈ дубина стоеросовая (букв. мокрая дубина) поддерживается в контексте синонимичными лексемами *үбэштэй* (глупый) и *шалхагар* (обрюзгший). Данные лексемы являются контекстуальными синонимами, выражая неприязнь героини к описываемому лицу, который представляет общий денотат. ФЕ более экспрессивна чем лексемы.

---

¹ Глава – начальник, старший по положению.

2. ФЕ включается в окружение с не синонимичными словами и словосочетаниями:

– *Гэрэлэй үгэ юумэндэ бү тооло! хагиуурта уһа хэһэнһээ өөрэгүй харьяжал ябаа бэээ!* [Батожабай, 1981, с. 32] – Не принимай всерьез слова Гэрэл! Не хуже сита воду льет. ФЕ *юумэндэ бү тооло* (букв. не считай за что-то стоящее) указывает на то, что следующее высказывание выражает пренебрежительное отношение к персонажу-пустослову, *хагиуурта уһа хэһэнһээ өөрэгүй* – то же, что наливать воду в сито (о болтовне). Здесь можно предположить, что *харьяжал* представляет собой компрессию, результат усечения ФЕ *хамар доро хахархай аман байнал гэжэ харьяха* ≈ *трепаться благо язык без костей* (букв. болтать, что есть рванный рот под носом). Вторая половина предложения поясняет первую через образное сравнение. Можно отметить соотносимость данных единиц к одному семантическому полю – ‘говорить’.

– *Тэдэ хоёртнайл хүнэй нюдэ далдалжа хэрэлдээд, үнэн дээрээ үлхөөтэй хоёр бөөрэнүүд байһан байха* [Батожабай, 1981, с. 41] ≈ Они двое, застив глаза людям, сделали вид, что поссорились, на самом деле, пара сапог, наверняка (букв. связка пары почек). В художественном контексте могут выступать в роли синонимов ФЕ, которые в узусе таковыми не являются. Здесь, думается, отрицательно-оценочные ФЕ *нюдэ далдалха* ‘застить глаза’ и *хоёр бөөрэ* ‘две почки’ в данном контексте выражают понятия, относящиеся к семантическому полю «обман». Образность второй ФЕ придает большую экспрессивность контексту. Здесь возможно соотнесение к семантическому полю ‘обман’.

В языке поэзии автор также прибегает к амплификации, используя разговорную, эпатажную в какой-то степени ФЕ: *Хэн нэгэнэй нялуунда таараагүйб / Хүнэй бүгсэ тонгойжо байжа таалаагүйб* [Халзанов, 1991, с. 35] ≈ Я не люблю слащавую лесть / Не был лизоблюдом никогда (Букв. Мне не подходит чья-то слащавость / Не целовал ничей зад наклоняюсь). Здесь первая половина контекста содержит часть ФЕ *гашууниһнь нялуунһаа дээрэ* ‘лучше горькое, чем приторно сладкое’, вторая половина – *бүгсэ таалаха* – ‘подлизываться, быть подхалимом’ (букв. зад целовать). В состав ФЕ введено два деепричастия, одно из которых *тонгойжо* значит ‘наклоняюсь’, второе в функции вспомогательного глагола (от *байха* ‘быть’), придающего дополнительное значение протяженности действия во времени. Семантическое поле – ‘обман’ (лесть).

3. ФЕ ставятся в соседство с антонимичными языковыми единицами, которые усиливают, интенсифицируют значение:

– *Ши хороной хорондо... һайнаар ажалла! Үлүү газар үргөө бүлюудэшэдэй амынь тагла...* [Батожабай, 1981, с. 30] – Ты назло всему на этом заводе работай лучше всех! Заткни рот тем, кто слишком много точит ляды...

С помощью ФЕ *амынь тагла* ‘заткни рот’ ставится цель герою. Предваряется это выражение антонимичной ФЕ *үргөө бүлюудэхэ* ≈ ‘лясы точить’ (букв. челюсти точить). Здесь наблюдается также возрастающая амплификация, т. е. явление усиления напряжения содержания, начиная от *хороной хорондо* ‘назло всем’, далее ‘лясы точит’, и в конце резкое – ‘заткнуть рот’ им. Слова *һайнаар ажалла* ‘хорошо работай’ способствуют усилению экспрессии контекста.

На наш взгляд, в следующих строках Г. Раднаевой также можно определить возрастающую амплификацию на основе антонимии: *Үгээ һөөргэнь эдеэд турша – / Тугаар гараһан нарай тугал болохоб... / Үнөөрэнь юумые хэлээд үзэ – / Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ гүүлэхэб...* [Раднаева, 1993, с. 56] – Слова свои попробуй назад взять – / Стану только что родившимся теленком... / Правду сказать попробуй – / Скажут – подросший бычок телегу поломал...

ФЕ *тугаар гараһан тугал* ≈ как будто вчера родился и *тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ* ≈ ответить черной неблагодарностью. Семантика второй ФЕ отличается

динамичностью и экспрессивностью. В отношениях антонимии находятся образы только что родившегося теленка и вскормленного, выросшего, теленка¹.

Употребление ФЕ с градацией помогает поэту в малом объеме выразить большое содержание, при этом отношения антонимии просматриваются в составе одной ФЕ: «...Долоо бүдэржэ, найма бодохо» гэдэгтэл, / Жолоо гээшээ шанга адхаад, / Унажа, бодожо ургаж, / Уншажа, бэшэжэ хүн бологдоо [Улзытуев, 1974, с. 88]. – Семь раз споткнувшись, восемь раз встанет, говорят, поводья крепко держа, падая, поднимаясь, вырастая, читал, писал, человеком стал. В данном примере ФЕ в первой половине высказывания выступает в роли сравнения, связываясь со второй половиной союзом *гэдэгтэл* ‘подобно тому, как говорят’. А вторая половина в свою очередь раскрывает значение первой ФЕ. Это ФЕ *долоо бүдэржэ, найма бодохо* (букв. семь раз споткнувшись, восемь раз подняться) и *жолоо шанга адхаха* (букв. поводья крепко держать).

4. Употребление больше двух ФЕ может быть приемом возрастающей амплификации при выражении причинно-следственной связи: ...*Та, Морхой, хүнжэлэйнгөө хэмжүүрээр хүлөө жишжэ хурагты. Тэрэ суглаан дээрэшни шини гуулие гаргаа наамни, морхогор хамар дээрэшни хүн бүхэн хадааһа сэхэлхэн сохом* [Батожабай, 1981, с. 36] – Вы, Морхой, по размеру одеяла ноги протягивать учитесь. Если бы я на том собрании открыл твой истинный облик, то на твоём горбатым носу уж точно каждый выпрямлял бы гвозди. В данном примере ФЕ: *хүнжэлэйнгөө хэмжүүрээр хүлөө жишжэ* ≈ ‘ножки протягивай по одежке’ (букв. одеяла по размеру ноги протягивай), *гуулие гаргаа* ≈ ‘открыть всю подноготную’ (букв. латунь вывести, т. е. вывести скрытый за позолотой сплав более низких по качеству и ценности металлов) и завершающая контекст ФЕ *хамар дээрэ хадааһа сэхэлхэ* ≈ ‘садиться на голову (шею или верхом)’ (букв. на носу гвозди выпрямлять), усиливающая экспрессивность всего высказывания.

– *Үтэлхэн үлэгшэн, үргөө хабша! – Хабшахагүйб! Бури бухалышни бултынь гаргахаб. ...Энэтнай нюуртаа үһэтэй, нюдэндөө хоротой хүн. һайнда һайбар жороо, мууда модон мунса гээшэ. Тиигээд лэ мухар мунса гэжэ нэрэтэй ха юм!* [Батожабай, 1981, с. 197] – Старая сука, челюсти сомкни! – Не сомкни! Я тебя на чистую воду выведу. ... У этого лицо заросло волосами, а в глазах яд. Перед сильными иноходью, а над слабыми – дубиной. Поэтому-то его зовут комолой дубиной!.. ФЕ *үргөө хабшаха* заткнуться (букв. челюсти сомкнуть), трансформированные *бури бухалынь гаргаа* от *булхайнь булиангаар гараба* ≈ шила в мешке не утаишь (букв. обман через мышцы вышел), *нюуртаа үһэ ургуулха* всякий стыд потерять (букв. на лице волосы отрастить), *модон мунса* (букв. деревянная дубина), *мухар мунса* (букв. комолая, безрогая дубина) о туповатом и грубом человеке (от *нойтон мунса* букв. мокрая дубина). Напряженность реплике придает использование нескольких ФЕ, способствующих разоблачению отрицательного героя.

Здесь ответная реплика отличается богатством фразеологического состава. Речь героини полна негативно-оценочных ФЕ, что вызвано неприятием недопустимых по отношению к людям старшего поколения выражений отрицательного героя пьесы с говорящим именем Мухар Мунса (‘комолая дубина’ ≈ дубина сторосовая).

«*Одоо даа, Эрдэни гулаа гээшэмнай хониндо ороһон шоно шэнгээр арад зонише улаа зуража, үрэ голдонь хүрэдэг, жэрхэдэнэ хүрэхөөр хүн гээшэ һэн*» [Намсараев, 1990, с. 91] – Наш Эрдэни-глава, словно волк в овчарне, народу крови выпустил, жилы вытягивает, вызывающий отвращение человек. *Хониндо ороһон шоно* ≈ волк в овчарне, *улаа зураха* ≈ пустить кровь (букв. красноту чертить), *үрэ голдонь хүрэдэг* ≈ жилы вытягивает (букв. семени, арты достигает) – ФЕ также

¹ Буруун – теленок на втором году жизни.

участвуют в создании возрастающей амплификации, завершающейся наиболее экспрессивной *үрэ голдонь хурэдэг* (достичь аорты – ‘лишить жизни’) ¹.

Таким образом, разговорной речи свойственно употребление ФЕ в основном в узуальном значении, с исконной выразительностью, для художественного же стиля характерна адгерентная выразительность ФЕ. Писатель, имея возможность обдумать все фразы, все художественные средства, используемые в стилистических целях, для создания наиболее выразительного текста, трансформирует их, ставит в особые позиции. Авторы интенсифицируют образно-метафорическое и эмоционально-оценочное значение ФЕ, конкретизируют фразеологическое значение применительно к теме, к уникальной ситуации. Наибольшим количеством приемов восходящей амплификации отличаются произведения Д. Батожабая, выделяющиеся общей динамичностью, экспрессивностью текста.

Постановка ФЕ по восходящей амплификации нацелена на усиление экспрессивности контекста, выражение оценки объекта и выполняет суггестивную функцию. Думается, рассмотренная проблематика перспективна в аспекте такого направления, как лингвистика текста бурятского языка.

Литература

Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях. На материалах современного бурят-монгольского языка // Тр. НИИКиЭ БМАССР. Улан-Удэ, 1949. Вып. 2. С. 64–119.

Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ, 1970.

Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц. На материалах советского фельетона. М., 1983.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

Дампилова Л. С. Язык бурятского поэтического текста // Языки и письменные источники монгольских народов: Материалы междунар. науч. конф. в рамках конвента монголов мира. Улан-Удэ, 2010. С. 216–219.

Кунин А. В. Основные понятия фразеологической стилистики // Проблемы лингвистической стилистики: Тез. докл. науч. конф. / 1-й МГПИИЯ. М., 1969. С. 71–75.

Ломов А. Г. Фразеология в рукописях А. Н. Островского (1 часть): Тексты лекций. Самарканд, 1982.

Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Учеб. пособие. Ярославль, 1979.

Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.

Санжина Д. Д. Бурятская лингвостилистика. Стилистические средства лексики. Улан-Удэ, 2007.

Сахновский-Панкеев В. О комедии. М.; Л., 1964.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология / Под ред. К. А. Тимофеева. Новосибирск, 1980.

Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистика дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.

Щеглова Г. Н. Жанрово-стилевое своеобразие драматургии Леонида Леонова. М., 1984.

Щерба Л. В. Опыт общей лексикографии // Изв. АН СССР, отд-ния лит. и яз. 1940. № 3.

---

¹ Ср.: *голынь тагалха* букв. аорту порвать – способ умерщвления барана у бурят-монголов.

Бабуев С. Д. Мэлс Самбуевай шүлэгүүдэйн хэлэнэй шэнжэнүүд // Буряад хэлэнэй шухала асуудалнууд: статьянуудай согсолбори. Улаан-Үдэ, 2007. С. 25–32.

Шагдаров Л. Д. Поэт Д. Дамбаевай зохёолнуудай хэлэн тухай // Буряад хэлэнэй шухала асуудалнууд: статьянуудай согсолбори. Улаан-Үдэ, 2007. С. 168–178.

Список источников

Батгожабай Д. Б. Төөригдэһэн хуби заяан. Улаан-Үдэ, 1959–1966. Т. 1–3.

Батгожабай Д. Б. Зүжэгүүд. Улаан-Үдэ, 1981.

Галанов Ц. Мүнхэ зула. Шэлэгдэмэл зохёолнууд. Улан-Удэ, 2002.

Намсараев Х. Н. Үүрэй толон. Улаан-Үдэ, 1990.

Раднаева Г. Ж. Үлхөө шүрэнүүд. Закаменск, 1993.

Улзытуев Д. Ая гангын орон. Улаан-Үдэ, 1974.

Халзанов Б. Хээрын шулуун. Улаан-Үдэ, 1991.